

В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В. Морару

Фундаментальные изменения, происходящие в общественной жизни, начиная с 80-х-90-х годов прошлого века, генерировали осознание и новое осмысление феномена социальных трансформаций, как комплексного, многогранного процесса. Развитие социальной системы в условиях транзycji определяет не только изменение ее сущности, но и модификацию внутреннего мира людей, поведенческих стереотипов, социальных норм, аксиологических ориентиров общества. Как следствие, становление новых структурных форм социальной организации происходит под сильнейшим влиянием конкретного исторического контекста, в рамках которого взаимодействуют социальные субъекты, основываясь на ресурсах аккумулированного опыта в сферах политической, экономической и духовной жизни. В этих обстоятельствах, моделирование социальных процессов и стремление обеспечить их управляемость становится насущной задачей всех акторов, вовлеченных в деятельность по трансформации общества, определяя повышенную ответственность структур принимающих решения, направленные на преодоление неизбежных трудностей на пути социального развития, на разрешение неоднозначных противоречий, сопровождающих трансформационные процессы.

Исходя из того, что властное действие предполагает «управление правилами игры во имя усиления легитимации публичной сферы» [1, р. 15], источником данной легитимации является, как инстаурация и утверждение демократических правил, так и эффективность их применения. Существенное условие успешности этих действий заключается в поддержке тенденций и соблюдении основных принципов трансформационного процесса. Естественно, в данном случае, это – демократизация социально-политической и экономической жизни, утверждение плюрализма и демонополизация / децентрализация публичной сферы. Соответственно, обладание компетенциями в восприятии, ориентации и воздействия на социальную действительность составляет важную предпосылку для адекватного развертывания трансформационного процесса, способствуя формированию общественного сознания, изменениям, в намеченном и желаемом направлении, менталитета общества.

Очевидно, что осуществление власти становится неразрывно связанным с эксплуатацией так называемой символической политики, применением ее ресурсов в интересах усиления солидарности населения, возрастания легитимизации политической элиты и, как следствие, детерминирует эффективность действий по модернизации общества. По мнению экспертов, достижение высокого уровня консолидации сообществ составляет значительную, если не решающую, компоненту политической деятельности, в

тех случаях, когда происходит обновление политической системы: У. Росту, известный представитель теории модернизации, утверждал, например, что подобная консолидация общества является весьма важной предпосылкой для запуска модернизации [2].

Осознание безусловности того, что социальный мир функционирует, как указывают исследователи, «одновременно, как система властных отношений и как символическая система» [3, р. 88] способствовало усилению внимания к символической составляющей властного действия. Авторы многих работ по данной проблеме сходятся в признании очевидности фактов, что «в любом обществе властные отношения опираются на определенный символический порядок» [4, р. 104], что «объективные властные отношения стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти» [5, р. 80].

В целом, концепт символической власти относится к совокупности представлений и выражений этой власти [6, р. 77]. Оперируя символами, политические акторы задают им особые смыслы и значения, которые проявляются в вербальной или иной форме и осуществляют когнитивные, экспрессивные, операционные функции («идентифицируемые в поддержке определенных институтов, в решении политических проблем и в агрегации общественной жизни» [7, pp. 13–14]). Символизация политической арены заключается в трансфере в публичную сферу различных аксиологических иерархий. Таким образом, политический дискурс конструирует публичное пространство, обеспечивая циркуляцию сообщений, восприятие и интерпретацию ценностей в соответствии с существующей аксиологической структурой. Политический процесс, в этом случае, может рассматриваться исходя из перспективы символических конструкций, ценностный потенциал которых находится в прямой зависимости от существующей на данный момент социально-политической конъюнктуры. Соответственно, содержание символической политики, как «формы политической коммуникации» [8, с. 13–14], обусловлено не только уровнем восприятия значений, но и, в первую очередь, успехом убеждающего действия. Формирование повестки дня публичных дискуссий, таким образом, становится тесно связанным с «идеями, задачами и ценностями, которые власть закладывает в основу своей текущей политики» [9, р. 8], выполняя роль своеобразного "информационно-тематического фильтра" [10, р. 101], определяющего параметры дискурсивного пространства политики и формирующего виртуальную политическую реальность.

Символическая власть конфигурируется и проявляется в способности власти конструировать реальность посредством установления гносеологического порядка, "влиять на восприятие действительности (и в особенности, чувство социального мира) в рамках гомогенизированного представления о времени, пространстве, причинно-следственных связях, что делает возможным согласие между умами" [11, с. 89]. Согласно концепции символической борьбы П. Бурдьё, "работа по производству и внушению

смыслов" и "борьба за навязывание легитимного видения социального мира" [12, с. 66–67, 71] являются неотъемлемыми составляющими политического субполя. П. Бурдьё характеризовал символическую власть, как "власть квазимагическую" [13, с. 96], способную учреждать данность через высказывание, заставляя видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, оказывать воздействие на мир.

Эти обстоятельства определяют возможность рассмотрения символической политики как деятельность акторов, направленную на "производство, конкуренцию, продвижение разных способов понимания социальной реальности" [14, с. 92].

Безусловно, успешные действия, осуществляемые в рамках символической политики, возможны лишь при наличии повышенного уровня компетентности в проведении политических, политико-медийных акций, особенно в условиях радикальных изменений политических режимов. Грэм Гилл, автор резонансного исследования о символизме, как о первостепенной составляющей политического действия [15], сосредоточился на аргументировании идеи о том, что изменение политического режима ведет не только к смене политических институтов, но и к реконструкции всей системы представлений, на которых зиждется взаимодействие людей в рамках этих институтов. Другими словами, "смена режима предполагает перенастройку всей системы политических символов, определяющих функционирование институтов" [16]. Когерентный дискурс власти обуславливает роли, которые отводятся акторам политической игры, характер взаимодействия институтов на политической арене. Чем радикальнее трансформация режима, тем больше времени требуется для реконфигурации символической системы [17, с. 79]. Исходя из вышеизложенного, представляется уместным оценивать усилия любой власти по применению принципов символической политики в строго определенных, конкретных контекстах.

Поиски взвешенной исследовательской оптики, адекватных подходов к объяснению современных тенденций в сфере духовных проявлений политики продолжаются. Понятие символической политики (занимающее особое место в арсенале терминов, которые применяются для описания и анализа "диалектического процесса формирования, распространения и конкуренции представлений, определяющих смысловые рамки восприятия социальной реальности" [18, с. 5]) действительно является "удобной зонтичной категорией, позволяющей исследовать под разными углами широкий спектр явлений, связанных с производством и обращением смыслов" [19, с. 10]. На рубеже XXI веков произошли важные изменения в способах "функционирования символического пространства политики" [20, с. 38], и для того, чтобы их адекватно оценить, теоретический инструментарий, бесспорно, должен быть подвергнут инвентаризации.

Список использованных источников

1. Kjør, A. M. *Guvernansa*. Cluj Napoca: CA Publishing, 2010.
2. Rostow, W. W. *Politics and the Stages of Growth*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
3. Stănciugelu, Ș. *Violență, mit și revoluție*. București: Editura All, 1998.
4. Șandru, D. *Ideologia și construcția simbolică a violenței politice*. – *Sfera Politicii*, 2013. – № 2 (174). – P. 95–104.
5. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть. – П. Бурдые. *Социология социального пространства / Москва, Институт экспериментальной социологии. Санкт Петербург: Алетейя, 2007. – С. 64–86.*
6. Lamizet, B. *L'imaginaire politique*. Collection "Forme et sens". – Paris: Hermes-Science Lavoisier, 2012.
7. Cojaru, D. *Ipostaze ale simbolului în lumea tradițională*. – Iași: Editura Lumen, 2009.
8. Поцелуев, С. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // *Полис. Политические исследования*. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
9. Шестопал, Е. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // *Полис. Политические исследования*. – 2011. – № 2. – С. 8–24.
10. Сkochилова, В. Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // *Вестник Томского Государственного Университета. Серия Философия. Социология. Политология*. – 2012. – № 3 (19). – С. 93–102.
11. Бурдые, П. О символической власти. *În: Социология социального пространства / Москва, Институт экспериментальной социологии. Санкт Петербург: Алетейя, 2007. – С. 87–96.*
12. Бурдые, П. *Социология политики*. – М.: Socio-Logos, 1993.
13. Бурдые, П. О символической власти. *În: Социология социального пространства / Москва, Институт экспериментальной социологии. Санкт Петербург: Алетейя, 2007. – С. 87–96.*
14. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
15. Gill, G. J. *Symbolism and Regime Change in Russia*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
16. Малинова, О. Ю. Концепция символической политики. – Режим доступа: <https://dev-new.postnauka.ru/video/29961>.
17. Gill, G. J. Цит. произв.
18. Малинова, О. Ю. *Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России*. – Москва: ИНИОН РАН, 2013.
19. Малинова, О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // *Символическая политика*. – 2012. – Вып. 1. – С. 5–16.
20. Соловьев, А. И. *Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии (Материалы дискуссии) / А. И. Соловьев, О. Ю. Малинова, О. В. Гаман-Голутвина, М. В. Ильин, С. Н. Пшизова // Полис. Политические исследования*. – 2004. – № 4. – С. 28–51.